

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-125-140

УДК 94(47) "1921–1928"

ВОЖДЬ ЧЕРНОЙ СОТНИ И «ЧЕРНЫЙ БАРОН». О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ Н.Е. МАРКОВА И П.Н. ВРАНГЕЛЯ В 1920-е гг.

Иванов Андрей Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Аннотация. В статье впервые подробно рассматриваются взаимоотношения двух вождей русской правой эмиграции — лидера Высшего монархического совета Н.Е. Маркова (Маркова 2-го) и председателя Русского общевоинского союза генерала П.Н. Врангеля. Обращается внимание, что оба деятеля, обладая популярностью в среде военной эмиграции, а также такими личностными чертами, как воля, энергия, сила и твердость характера, несмотря на общность антибольшевистских взглядов, оказались политическими соперниками. Основываясь на разносторонних источниках, часть из которых впервые вводится в научный оборот (материалы эмигрантской периодической печати), в статье реконструируются этапы становления взаимоотношений Маркова и Врангеля, раскрываются причины их противостояния, даются оценки их взглядов на армию и политические вопросы. Отмечается, что среди причин взаимного недоверия и подковерной борьбы между двумя вождями эмиграции были серьезные политические разногласия по вопросу о необходимости провозглашения монархических лозунгов, взаимная неприязнь, стремление каждого из них к лидерству и диктаторские замашки. Важную роль в конфликте между Марковым и Врангелем сыграло и их окружение, а также советские спецслужбы, стремившиеся разобщить эмиграцию. В итоге альянс между Марковым и Врангелем, которого опасались левые силы, так и не состоялся, а их вражда не принесла белой эмиграции ничего, кроме вреда.

Ключевые слова: Н.Е. Марков, П.Н. Врангель, Высший монархический совет, Русский общевоинский союз, русская эмиграция, Белое движение, правый монархизм.

Цитирование: Иванов А.А. Вождь черной сотни и «черный барон». О взаимоотношениях Н.Е. Маркова и П.Н. Врангеля в 1920-е гг. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 125–140. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-125-140 / Ivanov A.A. The Leader of the Black Hundred and the "Black Baron" Concerning Relations of N.E. Markov with P.N. Wrangel in 1920s, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 3. Pp. 125–140. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-125-140.

© Иванов А.А., 2023

THE LEADER OF THE BLACK HUNDRED AND THE “BLACK BARON”. RELATIONS OF N.E. MARKOV WITH P.N. WRANGEL IN 1920s

Ivanov Andrey A.

Saint Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract. The article presents for the first time in detail the mutual relations of two leaders of the Russian Right Emigration – the leader of the Supreme Monarchial Counsel N.E. Markov (Markov II) and the chairman of the Russian Joint Military Union general P.N. Wrangel. It is emphasized that both figures who were popular in the Russian military emigrant world and who possessed such traits as will, force and staunchness, in spite of common anti-bolshevik views, turned to be political rivals. Based on different sources, some of which are introduced into scientific discourse for the first time (materials of emigrant periodical press), the article reconstructs the stages of Markov and Wrangel's relations, brings to light the reasons of their rivalry, gives assessment of their views toward army and political issues. It is pointed out that the reasons of mutual mistrust and behind-the-scenes struggle between two leaders of emigration were serious political disagreements concerning the necessity of declaration of monarchial slogans, mutual unfriendliness, aspiration for leadership and dictatorial ambitions. In the conflict between Markov and Wrangel, their entourage as well as the Soviet security agencies, which aspired to disunite the emigration, played an important role. As a result, the alliance between Markov and Wrangel, frightening left forces, was never formed and their hostility brought the White emigration nothing but harm.

Keywords: N.E. Markov, P.N. Wrangel, Supreme Monarchist Council, Russian Joint Military Union, Russian emigration, White movement, right-wing monarchism.

Последний руководитель крупнейшей черносотенной организации Российской империи Союза русского народа и председатель Высшего монархического совета (ВМС) в эмиграции Николай Евгеньевич Марков (1866–1945), равно как и лидер Белого движения в годы Гражданской войны и председатель Русского общевойскового союза (РОВС) в изгнании генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928) не принадлежат к числу малоизвестных персонажей отечественной истории. Их биографиям, деятельности и взглядам посвящено немало статей (а в случае Врангеля – и книг), однако проблема взаимоотношений двух ярчайших лидеров русской эмиграции ранее специально не рассматривалась. Исключения – монография В.Г. Бортневского, в которой разбирались непростые отношения, сложившиеся в эмиграции между Врангелем и великим князем Николаем Николаевичем и кратко затрагивался конфликт между «черным бароном» и бывшим вождем черной сотни, а также кандидатская диссертация А.В. Серегина, также отчасти касавшаяся этого сюжета [Бортневский, 1996; Серегин, 2010]. В немногочисленных биографических очерках, посвященных Маркову, эта тема и вовсе обходилась стороной. Между тем данный сюжет представляется не только интересным, но и весьма важным для понимания причин и обстоятельств интриг и подковоерной борьбы, которая велась между этими двумя авторитетными для правой эмиграции фигурами в русском зарубежье в 1920-е гг. В связи с этим целью данной публикации являются реконструкция и подробный анализ взаимоотношений между Марковым и Врангелем, а также выявление причин, приведших к затяжному конфликту между ними.

Первоначально и сам Марков, и возглавляемый им ВМС держались по отношению к генералу корректно и даже выказывали ему поддержку. Рейхенгалльский съезд русских монархистов (1921) приветствовал Врангеля как вождя Русской армии и получил ответную телеграмму со словами благодарности [Телеграммы..., 1921, с. 1–2]. В 1921 г. приказы и разъяснения Врангеля печатались на страницах еженедельника ВМС, в заметках и сообщениях журнала весьма доброжелательно говорилось о бароне и его деятельности, публиковались материалы в защиту генерала от нападок левых газет. Довольно резко критикуя в своих публичных выступлениях политические воззрения белых генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева, А.И. Деникина и адмирала А.В. Колчака, Марков был более сдержанным в критике Врангеля. «Вместе со всеми русскими людьми мы горячо сочувствовали и посильно помогали генералу Врангелю, вместе со всеми глубоко скорбели мы о постигшем его поражении. Мы признаем, что выдающаяся энергия, самообладание и незаурядная распорядительность военных властей совершили все возможное для уменьшения размеров бедствия внезапной эвакуации Крыма», – говорилось в написанной Марковым передовице «Двуглавого орла» [Марков, 1921, с. 1]. Марков отмечал, что сменивший Деникина Врангель первоначально встал «на почти верный путь», отвергнув «всю ложь и пагубу политики своего предшественника», смело провозгласив первый и третий члены «символа спасения России»: вера и народ. Но на втором члене уваровской триады Врангель «споткнулся», так и не решившись объявить себя «верным слугой монархии», и скрыл монархическое

начало «в двусмысленном заявлении о Хозяине, которого народ сам себе выберет», в результате чего одним в «хозяине» грезились царь, другим — президент, третьим — «диктатор на белом коне». «Не найдя в себе мужества, чтобы сказать народу всю правду и во всеуслышание объявить, что без царя России нет спасения, генерал Врангель стал на скользкий путь посулов, уступок завоеваниям революции и заискивания у виновников российского развала. Неустранимое противоречие внутреннего монархического стремления и оказательства показного “демократизма” лишило Врангеля той силы народного доверия, без которого невозможно было победить большевиков», — писал Марков [Марков, 1921, с. 3]. Виновниками этих ошибок «черного барона» лидер ВМС называл «злого гения Врангеля» — его главного советчика и первого министра А.В. Кривошеина, а также окружение, составленное «из числа недавних разрушителей России». В итоге, заключал Марков, «народ не мог поверить в прочность белого дела Врангеля, ибо не было главного условия для успеха: за генералом Врангелем не было русского царя» [Марков, 1921, с. 5].

Как отмечалось в аналитической записке, составленной в мае 1921 г. русской военно-морской разведкой в Лондоне, «являясь определенно правой монархической фигурой, Врангель все же является некоторой загадкой для крайне правого русского монархизма в лице Маркова II¹» [Русская военная эмиграция..., 1998, с. 36]. Говорили, что Марков даже заявлял в 1921 г., что считает Врангеля единственной кандидатурой на роль «диктатора России» [Русская военная эмиграция..., 1998, с. 434]. Но постепенно высказывания Маркова о Врангеле изменились. Связано это было с борьбой, которую ВМС вел за политическое влияние на оказавшуюся в рассеянии Белую армию. Марков был убежден, что дореволюционная позиция властей, настаивавших на аполитичности армии, была большой ошибкой. В статье еженедельника ВМС «Армия и политика» говорилось, что лозунг «Армия вне политики» стал одной из причин, по которым Русская императорская армия не поддержала своего Верховного вождя в дни революции 1917 г. Не допуская в армию «здоровую государственную пропаганду», дореволюционная власть увлекалась чисто внешней стороной монархического воспитания солдат и офицеров. Государственная символика в казармах, каждодневная молитва, парады в присутствии императора — все это было важно, отмечалось в статье, но недостаточно, так как русский солдат в результате такой лишь работы становился «монархистом по привычке, а не убежденным сознательным сторонником монархии», и у него не было доводов против пропаганды противников самодержавия [Армия и политика, 1921, с. 1]. Эту ошибку царской власти, отмечалось далее, исправили большевики, введя в армию политику в виде института комиссаров и создания коммунистических ячеек в каждой воинской части. Обращаясь к сторонникам лозунга «Армия вне политики», издание заключало: «Нам кажется, что искренние противники введения политики в армию не вполне понимают, в каком виде политика должна вводиться в нее. Боязнь политиканства заставляет отвергать пользу политики. Политиканство по

---

¹ Приставка к фамилии «второй» появилась у Н.Е. Маркова в бытность депутатом Государственной думы, чтобы не путать его с дядей, депутатом Н.Л. Марковым, получившим прибавление к фамилии «Марков 1-й».

рецепту Гучкова и Керенского губит армию. Систематическое твердое внедрение в армию государственной политики увеличивает ее мощь» [Армия и политика, 1921, с. 2]. Позже, развивая те же мысли, Марков писал, что раз монархисты желают восстановления в России монархии, то они обязаны стремиться к тому, чтобы будущая Русская императорская армия стояла на твердых монархических принципах. В противном случае, предупреждал он, может повториться прежняя катастрофа, когда армия по своему неведению будет брошена против своей государственной власти [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 1–2]. Категорически отвергая «непредрежденчество», Марков подвергал критике призывы к борьбе за родину, без разъяснения политического будущего России, ибо в противном случае, говорил он, нельзя быть застрахованным от «второго издания СССР». Монархисты, утверждал он, готовы пожертвовать своими жизнями за православную национальную монархию, но умирать за установление в России республики они не будут. «Если Белая армия хотела и хочет победить Красную — она должна идти против беззакония, против безбожия, против Интернационала — значит за Веру, за Царя, за Отечество!» — провозглашал правый политик [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 1]. Подчеркивая, что монархии будет нужна монархическая армия, Марков указывал, что готовиться она должна уже в эмиграции, а тот, кто ставит этому препоны — «тот не хочет монархии» [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 2]. В письме к соратнику Врангеля генералу А.М. Драгомирову Марков разъяснял, что лозунг «За Веру, Царя и Отечество» «никогда и ни при каких обстоятельствах не может оказаться для армии “поспешным” и “преждевременным”», поэтому ВСМ настаивает на нем как на единственно возможном для объединения всех военных чинов, оказавшихся в рассеянии, и жизненно необходимым для «избавления нашей Родины от тяжкого и позорного ига Интернационала» [Русская военная эмиграция..., 2007, с. 124–125].

Для проведения этих принципов в жизнь Марков пытался использовать военные организации, подчинявшиеся Врангелю. Он установил контакт с доверенным лицом генерала полковником А.А. фон Лампе, пытаясь склонить его на свою сторону. «Видел сегодня Муринова-Маркова¹, — отмечал в дневнике фон Лампе. — С дрожанием от волнения губами он просил меня передать Врангелю, что раньше, чем честно и определенно не будет поднят монархический флаг и армия во главе с “блюстителем императорского престола” великим князем Николаем Николаевичем не пойдет во имя монархии, до тех пор никак нельзя надеяться на успех, и монархические партии, которые соберут через месяц съезд в Мюнхене или Будапеште, не окажут поддержки В[рангелю], которого сейчас все признают... Неудачу в Крыму он объясняет отсутствием твердого монархического лозунга и линии поведения, почему мужики не верили. <...> Марков ... прямо высказывается за самодержавие» [Серегин, 2010, с. 129].

---

¹ Муринов — один из эмигрантских псевдонимов Маркова. Весьма вероятно, что псевдоним этот был взят Марковым не случайно, так как устаревшее слово «мурин», обозначающее мавра, также использовалось в значении «черный». Показателем в этом отношении и псевдоним черносотенца Маркова периода Гражданской войны — Черняков.

Между тем, не являясь противником монархии, Врангель придерживался другого принципа, считая, что оказавшаяся в изгнании армия должна оставаться аполитичной. Как отмечал в дневнике сторонник генерала бывший депутат Государственной думы Н.В. Савич, Врангель в интервью «Новому времени» заявил, что «он принял знамя последовательно от Корнилова, Алексеева и Деникина, и на этом знамени было начертано Корниловым только одно слово – “Отечество”, и он будет верен этому знамени...» [Савич, 2008, с. 273–274]. Лозунг же старой царской армии «За веру, царя и отечество» признавался Врангелем «партийным» и преждевременным. «Черный барон» предпочел опереться на «центристов» и дистанцироваться от Маркова и ВМС. В конце августа 1922 г. Врангель писал лидерам ВМС, что ни он лично, ни возглавляемая им армия не могут «относиться с полным доверием к нынешнему составу Высшего монархического совета, и всяческая работа с ним чрезвычайно затруднена» [Серегин, 2010, с. 141].

Помимо идеологических расхождений большую роль в этом конфликте играли личные амбиции Маркова и Врангеля. Как и Марков, Врангель также стремился стать лидером национально-патриотической эмиграции и видел в председателе ВМС конкурента. Как отмечает историк, «в частной переписке представители армейского командования фактически признавали равновеликую роль П.Н. Врангеля и Н.Е. Маркова в активном антибольшевистском, антисоциалистическом и антилиберальном лагере русской эмиграции» [Серегин, 2010, с. 133]. В письме генералу Б.А. Штейфону фон Лампе писал: «...В русской эмиграции есть два энергичных человека – П[етр] Н[иколаевич] и ... Марков II». Но тут же добавлял: «Идти за последним и его гнусностью, и черной провокацией я решительно отказываюсь, и для России его, и его деятельность, считаю очень вредной ... одно только опасно для наших офицеров – это попасться на провокацию Маркова, который ничего, кроме собственной (и диктаторской) власти не ищет и в способах действий не стесняется» [Серегин, 2010, с. 133]. Не сумев поставить Врангеля под свой контроль, Марков начал искать ему замену. Уже в декабре 1921 г. во врангелевской среде появилась информация, что ВМС пытается создать собственную военную организацию, которую должен возглавить популярный среди офицеров генерал, «покорный, однако, велениям Н.Е. Маркова 2-го» [Русская военная эмиграция..., 1998, с. 448].

Сказывалась и личная неприязнь, очень скоро возникшая между Марковым и Врангелем. Приехав по делам в Берлин, Врангель, несмотря на уговоры фон Лампе, категорически отказался встречаться с Марковым. «Генерал Врангель был деятельностью, если не самого Высшего монархического совета, то именно Н.Е. Маркова – недоволен. Марков занял какую-то странную позицию недоверия к “монархизму” генерала Врангеля, готов был обвинять его в “бонапартизме”, в котором, как это на первый взгляд ни кажется странным, в сильной степени был повинен... сам. Деятельность Маркова-второго была всегда направлена не к укреплению авторитета белого Главнокомандующего. Даже больше – он иногда прямо дискредитировал последнего. Это знали многие и, конечно, хорошо знал сам генерал Врангель», – утверждал фон Лампе [Лампе, 1960, с. 120]. Впрочем, отмечал он далее, и Марков

имел причины быть недовольным генералом Врангелем. Во время визита в Сербию председатель ВМС, поддавшись настояниям своих соратников, посетил проживавшего в Сремских Карловцах барона. «О чем говорили между собой П.Н. Врангель и Н.Е. Марков — мне осталось неизвестным, но я узнал, что Марков просил у Главнокомандующего... денег на работу Высшего монархического совета. Генерал Врангель отказал. Это было, конечно, для Н.Е. Маркова неприятно» [Лампе, 1960, с. 120]. Но вдвойне неприятно было для Маркова то, что через несколько недель он прочел в газетах, что Врангель передал весьма крупную денежную сумму адвокату белого офицера-эмигранта М.М. Конради, застрелившего советского дипломата В.В. Воровского [Лампе, 1960, с. 120]. Поэтому, когда Врангель приехал в Берлин и демонстративно проигнорировал Маркова, последний запретил членам монархических организаций принимать участие в банкете в честь белого генерала. Впрочем, запрет этот ничего не дал, «русские офицеры, видимо, решили, что монархизм — монархизмом, а не почитать белого Главнокомандующего они просто не в силах. Злополучный банкет прошел при невиданном в Берлине многолюдстве и с большим подъемом» [Лампе, 1960, с. 120–121]. Любопытно, что аналогичная ситуация повторилась позже, в 1928 г., только теперь соперники поменялись местами. Во время визита Маркова в Болгарию местное эмигрантское военное начальство с подачи Врангеля отказалось предоставить ему для лекции зал Военного собрания, а офицерам было рекомендовано на выступление политика-монархиста не ходить. Но Марков смог выступить в Софийском университете, а на его лекцию пришло множество военных слушателей, которые не смогли поместиться в зале, из-за чего решено было лекцию повторить [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 2]. Когда же софийские монархисты решили устроить чествование Маркову, был разослан приказ, запрещающий членам РОВСа принимать участие в этом мероприятии [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 2].

Созданный Врангелем в 1924 г. РОВС, заявивший о своем непредрешенчестве и внепартийности, естественно, не мог вызвать сочувствия Маркова. Особенно раздражал правого политика врангелевский приказ № 82, запрещающий чинам РОВСа участие в политических организациях и дискуссиях. «Нечего закрывать глаза: против монархистов все эти десять лет велось и ведется систематическое *гонение* в Общевоинском союзе, — говорил Марков в 1931 г. — Именно против монархистов фактически применяется пресловутый “приказ № 82”. На многие сотни исключенных из Общевоинского союза монархистов придется едва ли десяток “вычищенных” за принадлежность к партиям левым или непредрешенческим» [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 2]. Считая, что подавляющее большинство оказавшихся в эмиграции военных — монархисты, Марков называл «страшным насилием» над их совестью непредрешенческую политику Врангеля. «Если 90 проц. военных — монархисты, почему их руководители вечно окружены политиками левых и полулевых уклонов? — вопрошал Марков. — Почему именно деятели Февральской революции, а не настоящие монархисты, изображают — по выбору начальства — якобы излюбленную военной средой “общественность”? <...> Почему одновременно в [Р]ОВС

накладывается своеобразное “табу” на всякую проповедь монархизма со стороны членов монархических организаций?» [Армия и «аполитичность»..., 1931, с. 2].

Поэтому Марков и его сторонники от первоначальных поисков возможностей для совместной работы с Врангелем перешли к тактике, нацеленной на его отстранение от руководства армией. Иностраннный отдел ОГПУ сообщал в конце 1924 г., что Марковым разослан секретный циркуляр, из которого следует, что «вожди монархических партий при переговорах с представителями командования нашли необходимым, чтобы со сцены сошел ген. Врангель» [Русская военная эмиграция..., 2007, с. 77]. Не последнюю роль играла в этой истории и чекистская операция «Трест», одной из целей которой было вбить клин между ВМС и РОВС. Марков доверился одному из главных участников этой провокации А.А. Якушеву (псевдоним Федоров), который якобы представлял существующее в СССР «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР) [Иоффе, 1998, с. 37]. Марков лично «взял под контроль» дело налаживания контактов с «монархистами» Советской России, которое, как ему казалось, открывало большие возможности в борьбе за реставрацию монархии. Н.Н. Чебышев, бывший в то время членом берлинского монархического объединения, утверждал, что связь Маркова с Якушевым установилась с лета 1922 г. [Чебышев, 1935, с. 1]. Переговоры с Якушевым Марков вел лично, подключив к ним своих ближайших сотрудников, «самое тесное ядро», и не втягивал в них ВМС [Чебышев, 1935, с. 1]. Несомненно, Маркову импонировало, что Якушев сообщал ему о настроениях в России именно то, что тот хотел слышать: «...он назвал ряд имен генералов старой императорской армии, якобы работавших в этой конспиративной организации. Федоров установил их полное идеологическое единомыслие с монархистами Маркова: отрицание демократии, парламентаризма, приверженность к самодержавию и православию» [Чебышев, 1935, с. 1]. Якушев уверял берлинских монархистов, что в России происходит распад большевизма, ищется замена Ленину, что вместо последнего намечается Г.Л. Пятаков — человек русский и «ярый антибольшевик» [Иоффе, 1998, с. 38–39; Чебышев, 1935, с. 1]. Он также сообщал, что монархические настроения зреют в Красной армии, показывал сообщения об антибольшевистских выступлениях и восстаниях, уверял, что все «бурлит» и вскоре надо ожидать самых неожиданных поворотов. При этом Якушев убеждал монархистов отказаться от тесного сотрудничества с иностранцами, поддержки интервенции и активной борьбы и призывал довериться внутренним «монархическим» силам, для которых требовал лишь финансовой помощи [Иоффе, 1998, с. 38–39]. Чебышев вспоминал: «Он (Якушев-Федоров. — А.И.) говорил все вещи нам, правым, в масть. В России, по его словам, растет монархическое движение, идет организационная работа, монархисты съезжаются даже на съезды; по Федорову судя — даже завязывают отношения с заграничными политическими организациями. В словах Федорова обнаруживалась какая-то любезная угодливость — ни одной шероховатости, ни одного угла, за который можно было задеть. Все было сценично, ничего неожиданного, все было так, как мы того хотели» [Чебышев, 1935, с. 1].

Опираясь на сведения, получаемые от Якушева-Федорова, Марков корректировал тактику монархистов. Он выступал против террористической деятельности, как на территории Советской России, так и против представителей большевистского руководства, находившихся за границей. В случае падения большевистской власти Марков предостерегал монархистов от всяких порывов вершить возмездие над советской бюрократией и кадрами Красной армии, подчеркивая опасность разрушения существующих опор государственного строя. Высказывался Марков в этот период и против иностранной интервенции, отмечая, что политика Запада в отношении России лишена каких-либо «идеалистических побуждений» [Верная гвардия..., 2008, с. 578]. «Марков 2-й, указывая на рост монархизма в России, заявил, что монархисты в настоящее время представлены везде: в Красной армии и заграничных представительствах Советской власти, где работают осторожно и обеспечивают себе позиции для будущего», — отмечалось в сводке ГПУ [«Совершенно секретно»..., 2001, с. 252].

Чебышев вспоминал, что под влиянием Якушева в верхушке ВМС произошло изменение и в отношении к идее использования русских офицеров-эмигрантов для военного похода в Советскую Россию [Чебышев, 1935, с. 1]. Поскольку одной из целей советской спецоперации было не допустить объединения ВМС с остатками врангелевской армии, все еще представлявшей серьезную силу, Якушев в разговорах с Марковым стал убеждать последнего дистанцироваться от белых генералов как людей, не имеющих престижа в Советской России. Он намекал, что Белая армия, выполнив свою миссию в годы Гражданской войны, свое уже отслужила и в современных условиях не может принести в деле реставрации монархии ничего, кроме вреда. До Маркова было доведено, что на одном из «съездов» монархистов в Советской России было принято постановление, требовавшее «полного разрыва зарубежных монархистов с вождями белой армии» [Чебышев, 1935, с. 1]. Марков не согласился на такой разрыв, но усилил деятельность, направленную на принятие вождями белых армий монархической программы.

Чебышев отмечал, что в феврале 1923 г. на совещании с участием Маркова было принято постановление, запрещающее монархистам участвовать в каких-либо выступлениях не под монархическим флагом. Не согласившись с этим решением, Чебышев явился на следующий день к Маркову для объяснений. Между ними состоялась следующая беседа:

«Марков подтвердил, что это именно так и надо понимать и прибавил:

— Нам больше не надо Наполеончиков...

— Как вам сказать?... По-моему, очень надо... Нам до сих пор именно и не доставало сильного, искусного и честолюбивого человека, который все бы прибрал к рукам: армию, партии, разрозненных людей, разрозненные мысли и возможности.

— Да, не достает Наполеонов, а не Наполеончиков...

Он был бледен и у него дергалось лицо.

– И к Людовику XVIII французы пришли через Наполеона.

– И очень жаль: Я предпочел бы остаться при Наполеоне...

Марков метнулся в сторону и видимо не хотел принимать боя. Я вернул его к теме. Он как-то оскалился. Я спросил: что могут сделать монархисты без армии? Он ответил:

– Армия должна идти под монархическим знаменем. Если Врангель не согласится – он будет устранен.

– Хорошо. У Вас есть другой генерал?..

Он промолчал. Потом сказал:

– Армия пойдет под руководством великого князя Николая Николаевича.

Скрывает, что готов опереться на армию именно под командованием Врангеля, которого в личных обращениях приветствует как “доблестного вождя”...

– Как вы все это можете примирить? Кроме того, простите меня, великий князь заявляет и постоянно подчеркивает, что он, если вообще выступит, хотя бы для того, чтобы возглавить не монархическое движение, а национальное.

– Это игра словами.

Мы помолчали. Марков заметил, поглаживая бороду:

– Вы не знаете, что делается в России. Красная армия требует монархического лозунга. Монархическое движение переходит в стихию злобы. Его удержать трудно. Всякое другое выступление будет встречено враждебно, если не будет монархично. Врангель тоже не осведомлен»¹ [Русская военная эмиграция..., 2001, с. 17–18]. «Я тогда подумал, – позже вспоминал Чебышев, – откуда он это знает? Теперь ясно, откуда он это знал. Осведомление получалось прямо от Федорова [Якушева]» [Чебышев, 1935, с. 1].

Сотрудничавший с Марковым в начале 1920-х гг. Е.А. Ефимовский писал, что примерно в 1923 г. Марков «с полной таинственностью» сообщил ему раскрытии «генеральского заговора», суть которого якобы заключалась в том, чтобы вразрез с позицией монархического движения возвести на престол... Врангеля. «Для прикрытия, – говорил Марков, – ссылаются на вел. кн. Николая Николаевича. Его будут держать в тени, а вся игра будет на его “помощнике”,

---

¹ При этом Марков добавил: «Чего вас беспокоит вчерашнее решение?.. Армии без монархического лозунга мы не будем содействовать, но и противодействовать не будем» [Русская военная эмиграция..., 2001, с. 18].

“заместителе” — ген. Врангеле с тем, чтобы в нужную минуту отстранить вел. кн. и самому занять престол. Вел. кн. поставлен об этом в известность. Он не может открыто выступить, но считает полезным кампанию в печати против Врангеля». На вопрос Ефимовского, является ли это сообщение председателя ВМС официальным, тот ответил — «совершенно официальным и конфиденциальным» и добавил: «Кампания должна иметь вид, что она исходит от вашей группы, а не по указанию свыше» [Что это?, 1925, с. 1]. Марков немедленно отреагировал на это разоблачение, назвав его «типичным ложным доносом» и «заказным пасквилем», вышедшим из среды сторонников великого князя Кирилла Владимировича, к которым стал принадлежать к этому времени Ефимовский, с целью дискредитации председателя ВМС. По словам Маркова, поручений подобного рода он Ефимовскому не давал, и тот по собственной инициативе развернул кампанию против Врангеля на страницах своей газеты [Марков, 1925а, с. 2–3].

В поддержку версии, изложенной Ефимовским, выступил В.В. Шульгин, сообщивший, что имел с ним несколько доверительных бесед, которые не оставили сомнений, что тот действительно уверовал в просьбу великого князя Николая Николаевича начать газетную кампанию против Врангеля. «Выяснилось для меня и то обстоятельство, — писал Шульгин, — что весьма близкое отношение к этому делу, т.е. к делу направления мыслей Ефимовского по этому пути, имел Николай Евгеньевич Марков» [Шульгин, 1925, с. 1]. Если все это так, заключал Шульгин, Марков должен понять, «что руководить “Высшим монархическим советом” он больше от сего дня не может» [Шульгин, 1925, с. 1]. Не устроило объяснение Маркова и редакцию «Нового времени», и она поместила статью, в которой отмечалось, что основания для подозрений в интригах Маркова против Врангеля более чем достаточно. «...теперь уже не сыщешь в Белграде ни одного человека, который бы не передавал (одни со злорадством, другие с ужасом и отвращением) “о работе монархических организаций против ген. Врангеля”», — отмечал автор статьи — математик, бывший социалист, а затем кадет и галлиполиец В.Х. Даватц. Маркову ставилось в вину, что, несмотря на то, что великий князь Николай Николаевич оказал Врангелю личное доверие, ВМС не прекратил своей интриги против генерала. Приводя конкретные примеры из сводок ВМС, направленных против Врангеля (вплоть до подозрений последнего в принадлежности к масонству и призывов игнорировать пятилетний «юбилей» нахождения генерала в должности Главнокомандующего), автор статьи заключал: если Ефимовский и что-то напутал, то общий тон позиции Маркова по отношению к Врангелю уловил верно [Даватц, 1925а, с. 2–3]. Признавая, что между ВМС и штабом генерала есть «политические несогласия», Марков в ответной статье пытался отбиться от брошенных в его адрес обвинений, но вместе с тем открыто признавал: «смена Главнокомандующего генерала Деникина генералом бароном Врангелем делу русской монархии ничего не прибавила» [Марков, 1925б, с. 2–3]. Вердикт Даватца, видимо, разделяемый «Новым временем» в отношении Маркова, был следующим: «...Нисколько не посягая на свободу мнения и критики гг. “организованных монархистов”, я утверждаю, что это свобода в руках г. Маркова приобрела уродливые формы, а критика стала походить на преступление против

общего русского дела. Ибо не преступление ли в условиях войны (а мы живем именно в этих условиях) строить козни против лица, в течение пяти лет с честью отстаивавшего русское имя и русскую армию? Не преступление ли — подкапывать основу всякой армии — ее дисциплину, покоящуюся к тому же только на доверии к военачальнику?» [Даватц, 1925b, с. 3].

Врангель и его сторонники, естественно, отвечали Маркову взаимностью. О Маркове Врангель отзывался с раздражением как о «политикане правого лагеря» [Русская военная эмиграция..., 2001, с. 15]. «...Отношения Маркова и Врангеля таковы, что он всегда и сознательно будет стараться ему портить — тут примирения быть не может, пока Марков стоит во главе ВМС...» — отмечал фон Лампе [Серегин, 2010, с. 148]. Бывший лидер Союза 17 октября А.И. Гучков конфиденциально писал Врангелю, что «марковская группа» видит в вожде Белой армии наиболее опасного противника: «Не большевики, не эсеры, не керенщина, даже не мы, представители старых либеральных течений, а именно Вы и Ваш ближайший круг являетесь тем врагом, который в первую голову сейчас же должен быть раздавлен. Психология этих людей мне давно известна <...> ее ни смягчить, ни сломить нельзя, надо сломить самих носителей этой психологии» [Бортневский, 1996, с. 50]. Следуя этому совету, сторонники Врангеля И.А. Ильин и фон Лампе оказывали давление на спонсировавшего ВМС барона Б.Г. Кеппена и к 1925 г. добились, чтобы тот прекратил финансовую поддержку Маркова и его сторонников [Серегин, 2010, с. 148]. В агентурном сообщении, составленном для Иностранного отдела ОГПУ в мае 1925 г., сообщалось: «Взаимоотношения между ген. Врангелем и ВМС за последнее время сильно испортились и вступили теперь в фазу скрытой борьбы. Причиной тому послужила статья Ефимовского... где он расшифровал Маркова 2-го... По настоянию "своих друзей", Марков принужден был ответить на эту статью... Из всей этой полемики можно было, однако, усмотреть, что у Маркова против Врангеля "рыло в пуху", в результате чего отношения последнего к ВМС и его организациям на местах резко изменились. В Сербии Врангель перестал поддерживать ВМС-группы и лишил субсидии представителя ВМС — [П. В.] Скаржинского. В свою очередь и ВМС провел скрытую интригу против врангельских групп в Берлине (полк. Лампе)...» [Русская военная эмиграция..., 2012, с. 383]. Борьба эта велась с переменным успехом, и даже в начале 1928 г., когда всем стало ясно, что дни Врангеля были уже сочтены, во врангелевских кругах шептались, что смерть барона «повлечет за собой падение армии в руки... Маркова!» [Русская военная эмиграция..., 2017, с. 73].

На смерть Врангеля, последовавшую в апреле 1928 г., Марков откликнулся на страницах «Двуглавого орла» словами, в которых отмечал заслуги генерала перед Россией и его личную доблесть, называя барона «героем противореволюционной России» [Б. Туров¹, 1929, с. 1575–1576]. Он не стал выносить в публичное пространство свои претензии к генералу после его смерти, однако сделал это, судя по всему, не только потому, чтобы не говорить о покойном плохих слов, но и чтобы не настраивать против себя офицеров и солдат бывшей врангелевской армии, на которых

---

¹ Эмигрантский псевдоним Маркова, производный от его дореволюционного псевдонима Буй-Тур.

правый политик стремился распространить собственное влияние. После смерти «черного барона» Марков сделал ставку на нового главу РОВСа — генерала А.П. Кутепова. Агентура ОГПУ сообщала, что Марков в 1929 г. принимал участие в чествовании легендарного белого генерала и даже демонстративно поклонился ему как вождю русской армии [Русская военная эмиграция..., 2017, с. 129], однако направить Кутепова в нужную для него сторону у правого политика не вышло, и спустя месяц та же агентура доносила, что ВМС встал в оппозицию к генералу и решил не поддерживать его как главу РОВСа [Русская военная эмиграция..., 2017, с. 159–160]. Таким образом, отношения между ВМС и РОВСа, оставаясь внешне корректными, так и не стали союзническими, и конкуренция между этими двумя эмигрантскими структурами за влияние на ветеранов Белой армии продолжилась.

Подводя итог, отметим, что, по общему мнению современников, Марков и Врангель оказывали в 1920-е гг. большое влияние на русскую военную эмиграцию. Оба они обладали харизмой, волей, энергией и твердостью характера, пользовались популярностью и успехом, однако, несмотря на убежденный антибольшевизм обоих, общего языка так и не нашли. На это влияли как политические причины (ригоризм Маркова в вопросе о самодержавии и уклончивая позиция в этом вопросе Врангеля), так и личные качества вождей. Каждый из них, обладая сильным характером, претендовал на роль диктатора, а потому попытки Маркова поставить Врангеля и подчинявшуюся ему армию под контроль великого князя Николая Николаевича (а по сути, под свой личный контроль под вывеской ВМС), равно как и готовность Врангеля сотрудничать с Марковым и «марковцами» лишь при условии подчинения правых монархистов его политической линии, успеха иметь не могли. Не последнюю роль играло окружение обоих эмигрантских вождей, настроивавшее их друг против друга, а также советские спецслужбы, стремившиеся разобщить эмиграцию. В итоге вождь черной сотни и «черный барон» так и не стали союзниками, а их подковерная борьба друг с другом не принесла белой эмиграции ничего, кроме вреда.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Армия и «аполитичность» (Из речи Н.Е. Маркова в Комитете призыва к объединению русской эмиграции вокруг Главы Императорского Дома) // *Царский вестник*. 1931. № 202. 8 июля. С. 1–2.

Армия и политика // *Высший монархический совет*. 1921. № 7. С. 1–2.

Б. Туров [Марков Н. Е.] У белградской могилы генерала Врангеля // *Двуглавый орел*. 1929. № 33. С. 1575–1576.

Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996. 167 с.

Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. Сост. и ред. А.А. Иванов. М.: Посев, 2008. 748 с.

- Даватц В.* Ответ господину Маркову // *Новое время*. 1925а. № 1219. 24 мая. С. 2–3.
- Даватц В.* По поводу одного опровержения // *Новое время*. 1925b. № 1200. 1 мая. С. 2–3.
- Иоффе Г.* Смертельная «игра»: операция «Трест» // *Наука и жизнь*. 1998. № 3. С. 36–43.
- Лампе А.А.* Пути верных. Сборник статей. Париж: Б.и., 1960. 258 с.
- Марков Н.Е.* Выступление Ефимовского // *Новое время*. 1925а. № 1194. 24 апреля. С. 2–3.
- Марков Н.Е.* Ответ господину Даватцу // *Новое время*. 1925b. № 1218. 23 мая. С. 2–3.
- Марков Н.Е.* Передовая статья // *Двуглавый орел*. 1921. № 3. С. 1–5.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. М.: РГГУ, 2012. 820 с.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 9: Перед бурей. 1928–1939 гг. Курск: Б.и., 2017. 963 с.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. 483 с.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза» 1924 г. М.: РГГУ, 2007. 980 с.
- Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. М.: Гея, 1998. 751 с.
- Савич Н.В.* После исхода: парижский дневник. 1921–1923. М.: Русский путь, 2008. 565 с.
- Серегин А.В.* Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 398 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 1. 1922–1923 гг. Ч. 1. 1922 г. М.: Издательский центр Института российской истории, 2001. 500 с.
- Телеграммы атамана Семенова и генерала барона Врангеля // *Высший монархический совет*. 1921. № 5. С. 1–2.
- Чебышев Н.* Трест. История одной «легенды» // *Возрождение*. 1935. № 3702. 23 июля. С. 2.
- Что это? // *Новое время*. 1925. № 1183. 9 апреля. С. 1.
- Шульгин В.В.* Еще о Маркове II // *Русская газета*. 1925. № 332. 23 мая. С. 1.

REFERENCES

Armija i "apolitichnost'". (Iz rechi N.E. Markova v Komitete prizyva k ob'edineniju ruskoj jemigracii vokrug Glavy Imperatorskogo Doma) [Army and "apoliticality". (From the speech of N. E. Markov in the Committee of the call for the unification of the Russian emigration around the Head of the Imperial House)], in *Carskij vestnik*. 1931. No. 202. Pp. 1–2 (in Russian).

Armiia i politika [Army and politics], in *Vyssshii monarkhicheskii sovet*. 1921. No. 7. Pp. 1–2 (in Russian).

B. Turov [Markov N.E.] U belgradskoi mogily generala Vrangelia [At the Belgrade grave of General Wrangel], in *Dvuglavyi orel*. 1929. No. 33. Pp. 1575–1576 (in Russian).

Bortnevskii V.G. Zagadka smerti generala Vrangelia: Neizvestnye materialy po istorii ruskoj emigratsii 1920-kh godov [The mystery of the death of General Wrangel: Unknown materials on the history of Russian emigration in the 1920s]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1996. 167 p. (in Russian).

Vernaia gvardiia. Russkaia smuta glazami ofitserov-monarkhistov [Faithful Guard. Russian turmoil through the eyes of monarchist officers]. Comp. and ed. A.A. Ivanov. Moscow: Posev, 2008. 748 p. (in Russian).

Davatts V. Otvet gospodinu Markovu [Reply to Mr. Markov], in *Novoe vremia*. 1925a. No. 1219. Pp. 2–3 (in Russian).

Davatts V. Po povodu odnogo oproverzheniia [About one rebuttal], in *Novoe vremia*. 1925b. No. 1200. Pp. 2–3 (in Russian).

Ioffe G. Smertel'naia "igra": operatsiia "Trest" [Deadly "game": operation "Trust"], in *Nauka i zhizn'*. 1998. No. 3. Pp. 36–43 (in Russian).

Lampe A.A. Puti vernykh. Sbornik statei [Ways of the Faithful. Digest of articles]. Paris, 1960. 258 p. (in Russian).

Markov N.E. Vystuplenie Efimovskogo [Efimovsky's speech], in *Novoe vremia*. 1925a. No. 1194. Pp. 2–3 (in Russian).

Markov N.E. Otvet gospodinu Davattsu [Answer to Mr. Davatz], in *Novoe vremia*. 1925b. No. 1218. Pp. 2–3 (in Russian).

Markov N.E. Peredovaia stat'ia [Editorial], in *Dvuglavyi orel*. 1921. No. 3. Pp. 1–5 (in Russian).

Russkaia voennaia emigratsiia 20–40-kh godov XX veka. Dokumenty i materialy. T. 6: Skhvatka. 1925–1927 gg. [Russian military emigration in the 20–40s of the XX century. Documents and materials. Vol. 6: Fight. 1925–1927]. Moscow: RSUH, 2012. 820 p. (in Russian).

Russkaia voennaia emigratsiia 20–40-kh godov XX veka. Dokumenty i materialy. T. 9: Pered burei. 1928–1939 gg. [Russian military emigration in the 20–40s of the XX century. Documents and materials. Vol. 9: Before the storm. 1928–1939]. Kursk, 2017. 963 p. (in Russian).

Russkaia voennaia emigratsiia 20–40-kh godov XX veka. Dokumenty i materialy. T. 2. Nesbyvshiesia nadezhdy... 1923 g. [Russian military emigration in the 20–40s of the 20th century. Documents and materials. Vol. 2. Unfulfilled hopes ... 1923]. Moscow: Triada-X, 2001. 483 p. (in Russian).

Russkaia voennaia emigratsiia 20–40-kh godov XX veka. Dokumenty i materialy. T. 4: U istokov "Russkogo obshchevoinskogo soiuz" 1924 g. [Russian military emigration in the 20–40s of the XX century. Documents and materials. Vol. 4: At the origins of "the Russian All-Military Union" 1924]. Moscow: RSUH, 2007. 980 p. (in Russian).

Russkaia voennaia emigratsiia 20-kh–40-kh godov. Dokumenty i materialy. T. 1: Tak nachinalos' izgnan'e. 1920–1922 gg. Kn. 2: Na chuzhbine [Russian military emigration of the 20s–40s. Documents and materials. Vol. 1: This is how the exile began. 1920–1922. Book 2: In a foreign land]. Moscow: Geia, 1998. 751 p. (in Russian).

Savich N.V. *Posle iskhoda: parizhskii dnevnik. 1921–1923* [After the exodus: a Parisian diary. 1921–1923]. Moscow: Russkii put', 2008. 565 p. (in Russian).

Seregin A.V. *Monarkhicheskie organizatsii russkoi emigratsii v Evrope v 1919–1933 godakh. Struktura. Ideologiya. Deiatel'nost'* [Monarchist organizations of Russian emigration in Europe in 1919–1933. Structure. Ideology. Activity]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2010. 398 p. (in Russian).

"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozenii v strane (1922–1934 gg.) ["Top Secret": Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]. Collection of documents in 10 volumes. Vol. 1. 1922–1923. Part 1. 1922. Moscow: IRH RAS, 2011. 500 p. (in Russian).

Telegrammy atamana Semenova i generala barona Vrangelia [Telegrams from Ataman Semyonov and General Baron Wrangel], in *Vysshii monarkhicheskii sovet*. 1921. No. 5. Pp. 1–2 (in Russian).

Chebyshev N. Trest. Istoriia odnoi "legendy" [Trust. The history of one "legend"], in *Vozrozhdenie*. 1935. No. 3702. P. 2 (in Russian).

Chto eto? [What is it?], in *Novoe vremia*. 1925. No. 1183. P. 1 (in Russian).

Shul'gin V.V. Eshche o Markove II [More about Markov II], in *Russkaia gazeta*. 1925. No. 332. P. 1 (in Russian).

Статья принята к публикации 14.08.2023